
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ИЗЫСКИ СТРАСТИ

Аннотация. Эрос свойственен человеческой природе. Но как причудливо он проявляется в отдельной судьбе, в отдельной культуре. Кто-то через всю жизнь проносит печать воздержания, преобразуя энергию секса в романтические чувства. Кто-то, напротив, в полной мере предается страстям, погружаясь в оргиастическую стихию. Будучи целомудренным, человек знает подземные толчки страсти. Предаваясь вожделениям, тоскует о романтическом обожании. Посвящая себя Богу, испытывает силу земных наваждений. Трепещет от дьявольских внушений, обретает себя в живой любви. Ведая об утонченных изысках страсти, вместе с тем догадывается о её неисчерпанности.

Ключевые слова: психология, страсть, Эрос, чувственность, демонизм, культура, чувство, наваждение, де Сад, Лакан.

*Все слова, какие мучат
Воспаленные уста.
В час, когда бесстыдству учат
Темнота и нагота.
(Валерий Брюсов)*

Воспаленный Эрос

С точки зрения психиатров, подверженность страстям — не что иное, как патология. Критикуя стихи поэтов-парнасцев, М. Нордау отмечает, что они стонут, ругаются, горюют, воодушевляются. В поэзии психиатру не нравится «смесь сверхчувственного и сладостных порывов».

«История культуры, — пишет М. Нордау, — слишком ясно доказывает, что иные сумасшествия вызывают пламенное воодушевление и имеют в течение столетия и даже тысячелетия преобладающее влияние на мышление и чувства миллионов людей, потому что они потворствуют данному инстинкту. Доводы разума бессильны перед тем, что человеку доставляет удовольствие»¹.

Более всего угнетает Нордау страсть любовная, сексуальная. Признаком вырождения М. Нордау считает и увлечение эротикой. Вот что он пишет о французском поэте Шарле Бодлере (1821-1867): «Что Бодлер — психопат — это не требует доказательств. Он умер от общего паралича, поразившего его после тяжелого сумасшествия, которым он страдал в течение долгих месяцев. Но если бы такой ужасный конец и не подтверждал нашего диагноза, то он тем не менее оказался бы верным, потому что в течение всей своей жизни Бодлер проявлял все

признаки психического вырождения. Он был мистик и эротоман»² Нордау пишет о том, что интересной книга становится тогда, когда в ней описываются извращенные половые отношения. «Приап становится эмблемой добродетели», — негодует М. Нордау. Порок ищет себе пища в Содоме и Лесбосе, в замке Синей Бороды, в людской, где у «божественного» маркиза де Сада царствует Жюстина. Читаешь и думаешь: скоро будет предьявлен счет и М. Лермонтову, который написал «он знал одной лишь думы страсть». Мишель и в самом деле позволял себе много лишнего. Вот, скажем, нескромная фраза: «Земля тряслась, как наши груди».

Французский психиатр считает, что любовная возбужденность принимает у Вагнера всегда форму какого-то беснования. Влюбленные ведут себя у него, как обезумевшие коты, катающиеся в экстазе и судорогах по полу от действия валерианы. Нордау полагает, что они отражают душевное настроение самого автора, хорошо известное психиатрам. Это, пишет он, одна из форм садизма, т.е. любви выродившегося субъекта, который в своем половом возбуждении становится диким зверем³.

А вот что пишет М. Нордау о Поле Верлене: «Излишне выписывать здесь стихи, свидетельствующие об омерзительном состоянии души этого несчастного раба болезненно возбужденных чувств... Впрочем, половое распутство не единственный его порок. Он еще и пьяница...»⁴ Однако нравственного помешательства у Верлена нет. Он грешит вследствие непреодолимого влечения. Это субъект «с болезненными импульсами»

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 91-92.

¹ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 322.

(импульсивный). Различие между этими двумя формами вырождения заключается в том, что нравственно помешанный не видит ничего дурного в своих преступлениях, совершает их с тем же спокойствием духа, с каким нормальный человек совершает хороший или безразличный поступок, и вслед за тем остается совершенно доволен собою, между тем как «импульсивный» вполне сознает глупость своего поступка, отчаянно борется, наконец не выдерживает и затем опять глубоко раскаивается. Только «импульсивный» может говорить о себе самом как «нечестивце» или в тоне такого сокрушения, как в первых четырех сонетах того же сборника: «Жестокие люди! Презренная, омерзительная жизнь! О, если бы вдали от поцелуев и борьбы осталось бы на горе еще немного детского нежного чувства, немного доброты и благоговения. Ибо что сопутствует нам в жизни и что остается, когда приближается смерть?»⁵

Изобличение человеческой чувственности — расхожий сюжет многих современных сочинений. Обратимся еще раз к книге В.В. Бычкова «Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства». Автор с сарказмом описывает современную механическую эксплуатацию человеческого тела в искусстве. Он отмечает опасность генитально-анального сознания. В.В. Бычков отмечает, что нет ничего парадоксального в том, что «разделка тела» в постмодернистской практике сопровождается прямо противоположной тенденцией — ликвидацией телесности как феномена. Речь идет о «теле без органов», о бесплотной субстанции, которая создается дигитальными техниками. Может быть, взрыв эротизма, о котором говорится в книге, это прощание с человеческим телом, реквием по поводу устранения плоти и ее аннигиляции?⁶

Автор монографии почти с памфлетной выразительностью описывает увлечение чувственностью, либидозными потоками, которые пленили машину желаний. Он против касания и ощупывания тела на всех уровнях. В. Бычкову явно нравится придуманное им словосочетание — «генитально-анальное сознание». Все эти анатомические мерзости, бессознательные вождения человеческой чувственности действительно шокируют. Жаль только что высокочтимый автор монографии не появился с этими рассуждениями перед первыми распутниками — Адамом и Евой. Полагаю, что в этом случае мы до сих пор жили бы в раю.

Искать в эросе признаки душевного вырождения тоже не новая тема. Эрос свойственен человеческой

природе. Но как причудливо он проявляется в отдельной судьбе, в отдельной культуре. Кто-то через всю жизнь пронесет печать воздержания, преобразуя энергию секса в романтические чувства. Кто-то, напротив, в полной мере предастся страстям, погружаясь в оргиастическую стихию. Будучи целомудренным, человек знает подземные толчки страсти. Предаваясь вожделениям, тоскует о романтическом обожании. Посвящая себя Богу, испытывает силу земных наваждений. Трепещет от дьявольских внушений, обретает себя в живой любви. Ведая об утонченных изысках страсти, вместе с тем догадывается о ее неисчерпанности.

Можно ли вынести за скобки эстетики опыт воспаленного эроса? В. Бычков напоминает нам о древних мистериях. В них разыгрывался опыт кровавой оргиастической драмы. Люди превращались в испуганных богоубийц, в жестоких сладострастников. Они терзали тело бога, превращенное в пищу, вступали в мерзкое соитие с животными, с родными по крови. Эрос обнажал природную стихию. Темные, слепые страсти приводили к злодеянию. И вместе с тем несли в себе символический смысл. Этим достигался эффекта катарсиса, целебного психологического взрыва. Ужаснувшись развращающейся бездне, участники мистерии завершали драму глубоким раскаянием. Они оплакивали жертву, рвали на себе одежду, покрывали собственное тело ранами, посыпали пеплом голову. Эрос не только увлекал в «недр души помраченье» (М. Цветаева), он просветлял душу, пробуждал совесть. Не позволяйте себе превратить этот ужас в повседневность — таков урок древних мистерий.

Кант и маркиз де Сад

М. Нордау резко критикует английского поэта А. Суинберга (1837-1909). Он, по мнению французского психиатра, заимствовал у Бодлера демонизм и садизм, половую развращенность и пристрастие к страданиям⁷. Это и есть, согласно его словам, признак сумасшествия. Они — безумцы, отщепенцы от разума. Но вот современный постмодернистский философ С. Жижек полагает, что именно приверженность строгой мыслительной логике и «возвышенной» этической позиции является порождением насилия. Он называет Канта и маркиза де Сада «идеальной парой»⁸. Именно Кант во всеоружии своей рассудочности, по мнению Жижека, обеспечил несдержанное потакание насилию, которое сопряжено с удовольствием.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Бычков В.В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010.

⁷ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 214.

⁸ Slavoy Zizek. Kant and Sade: the Ideal Couple // Lacanian Ink. N.Y., 1998. № 13. P. 12-25.

С. Жижек задается вопросом: существует ли связь между кантианской формалистской этикой и хладнокровной машиной убийства в Аушвице? Не являются ли концентрационные лагеря неизбежным следствием автономности разума? Можно ли считать законной мысль о том, что именно от Сада ведут исток фашистские пытки, как на это намекает версия Сало в фильме Пазолини?

Лакан показал в свое время, что внутренний потенциал кантианской философской революции — это озвучивание Голоса Совести. Истина кантианского этического ригоризма, по мнению Лакана, состоит в садизме Закона. Суперэго садистски наслаждается безвыходным положением субъекта, его неспособностью отвечать безжалостным требованиям суперэго, подобно вошедшему в поговорку учителю, который мучает учеников неразрешимыми задачами и в тайне смакует их неудачи. Но Кант у Лакана вовсе не скрытый садист. Напротив, именно маркиз де Сад оказывается скрытым кантианцем. Средоточие интереса Лакана скорее находится в парадоксальном переворачивании, посредством которого желание (т.е. действие в соответствии со своим желанием вне компромиссов с ним) более не может корениться ни в каких «патологических» интересах или мотивациях и таким образом отвечает критериям кантианского этического поступка. Иначе говоря, «следование своему желанию» совпадает с «выполнением собственного долга».

Если страсть непреодолима, то сластолюбец не отказался бы от своего желания, даже если бы перед зданием была построена виселица. Контраргумент Лакана здесь таков: что если мы столкнемся с субъектом (как это обычно происходит в психоанализе), который может полностью получать удовольствие от ночи страсти только если ему угрожает некая фигура «виселицы», т.е. если, делая это, он нарушает некий запрет? Кстати, в 60-х годах прошлого столетия был выпущен фильм «Казанова 70» с Вирна Лизи и Марчелло Мastroяни в главных ролях, который вращается вокруг этой самой темы: герой способен сохранять свою сексуальную силу только в случае, если совершение «этого» содержит некий род опасности. В конце фильма, когда он близок к женитьбе на своей возлюбленной, он хочет по крайней мере нарушить запрет супружеских отношений, переспав с ней за ночь до свадьбы — тем не менее, его невеста незаметно испортила даже это небольшое удовольствие тем, что получила у священника специальное разрешение для них обоих — спать вместе на ночь раньше, так что действие лишилось своей трансгрессивной остроты. Что он может теперь сделать?

В последнем кадре фильма, мы видим как он ползет по портику снаружи высокого здания, поставив

перед собой трудную задачу проникнуть в спальню девушки самым опасным путем в отчаянной попытке связать сексуальное удовольствие со смертельной опасностью... Впрочем, эту тему еще раньше осветил А. Пушкин. Если в ситуации предельной опасности герой отвергает всякий эгоизм, ведь он сам идет навстречу своей гибели, то его страсть этична. Хотя Кант настаивает на полном разрыве между патологическими проявлениями чувств и чистой формой морального Закона, существует единственное априорное чувство, которое субъект испытывает, когда сталкивается с предписанием морального Закона, боль унижения (из-за принижения человеческого чувства собственного достоинства, вследствие «радикального Зла» человеческой природы); по Лакану, эта привилегированность кантовской боли в качестве единственного априорного чувства строго соответствует понятию боли у Сада (мучение и унижение другого, будучи мучимым и униженным им), как привилегированного способа доступа к сексуальному удовольствию.

Аргумент Сада, конечно, состоит в том, что боли должно быть отдано предпочтение перед удовольствием по причине ее большей продолжительности — удовольствия проходят, тогда как боль может длиться почти неограниченно). Эта связь может быть далее подтверждена тем, что Лакан называет фундаментальной фантазией Сада: фантазия другого эфемерного тела жертвы, которое можно мучить неограниченно и которое тем не менее загадочно сохраняет свою красоту (посмотрите на типичную Садовскую фигуру юной девушки, подвергающейся бесконечным унижениям и увечьям со стороны ее мучителя и каким-то загадочным образом сохраняющей все (тело) неповрежденным), таким же образом Том и Джерри и другие карикатурные герои сохраняются во всех своих смешных тяжелых испытаниях неповрежденными.

Пушкин ведь тоже усматривает в экстремальном желании и предельной опасности «бессмертия может быть залог». По словам Жижека, контраргумент напрашивающийся здесь с кажущейся самоочевидностью: Разве это все не полнейший абсурд, поскольку у Сада элемент, который занимает место безусловного предписания, максима, которой субъект должен категорично следовать, более не является кантовским универсальным требованием. — Следуйте своему долгу! Но его наиболее радикальной противоположностью, предписанием довести до их крайнего предела всецело патологические, случайные причуды, которые доставят вам удовольствие, безжалостно низведя всех ваших окружающих до уровня инструментов для вашего удовольствия.